

УДК 338.22(470+571)"16/20"

С. Л. Сазанова

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ В XVII–XXI ВВ.¹**

Аннотация. Автор статьи исследует российское предпринимательство в XVII–XXI вв. на основе институционального подхода, выявляет институциональные факторы становления и развития предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: экономические институты, предпринимательство, предпринимательская деятельность, транзакционные издержки, институциональные изменения.

Svetlana Sazanova

**FORMATION AND DEVELOPMENT
OF ENTREPRENEURSHIP AND BUSINESS IN RUSSIA
IN XVII–XXI CENTURES**

Annotation. The author explores the Russian business in the XVII–XXI centuries. based institutional approach, institutional factors reveals the formation and development of entrepreneurial activity.

Keywords: economic institutions, entrepreneurship, entrepreneurial activity, transaction costs, institutional changes.

В исследование проблемы становления и развития российского предпринимательства внесли вклад известные российские и зарубежные исследователи А. Аксенов, А. Бессолицин, М. Вебер, Е. Гимпельсон, В. Дементьев, Т. Долгопятова, Н. Егорова, В. Зомбарт, Г. Клейнер, Н. Козлова, А. Кузьмичев, Е. Мирошниченко, Д. Расков, С. Струмилин, В. Тамбовцев, Ю. Тарануха, А. Тимофеева, В. Тореев, А. Чепуренко, Й. Шумпетер, А. Яковлев и др. Предпринимательство и предпринимательская деятельность являются сложными социально-экономическими феноменами, требующими глубокого анализа с позиций институциональной экономической теории, обладающей развитым методолого-теоретическим аппаратом [2; 8; 9; 18; 20; 21] и собственной теорией организаций [3; 7; 17]. Объектом исследования данной статьи является российское предпринимательство, предметом – процесс его становления и развития. Цель исследования заключается в выявлении экономических, исторических и институциональных факторов и формулирование на этой основе закономерностей становления и развития предпринимательства и предпринимательской деятельности в России в XVII–XXI вв. Методологической основой настоящего исследования являются: методология институциональной экономической теории (поведенческая парадигма, теория транзакционных издержек, экономическая теория прав собственности, теория институтов, теория институциональных изменений и др.) [1; 4; 10; 11; 26; 27], а также: историко-экономический метод, метод рациональной реконструкции, сравнительный анализ [21; 22] и др.

Прежде всего, конкретизируем понятия «предпринимательство» и «предпринимательская деятельность». Большинство исследователей не разграничивают эти понятия, например, Дж. Хайдар относит к ним экономическую деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от производства и продажи товаров, оказания услуг, сопряженную с использованием труда, материальных и нематериальных активов как самого предпринимателя, так и привлеченных со стороны и отмечает, что эта деятельность связана с риском убытков, а также полной или частичной потери вложенных средств и имущества [29]. Термин «предприниматель» впервые ввел в экономическую науку (классическую политическую экономию) Ж.-Б. Сэй [25], назвав так человека, который

© Сазанова С.Л., 2016

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-50141.

создает доход, направляя экономические ресурсы из сферы низкой продуктивности в сферу продуктивности высокой. На связь между предпринимательством и риском впервые обратил внимание Р. Кантильон, а позже Й. Шумпетер обосновал, что предпринимательская деятельность непосредственно связана с инновациями, поскольку предприниматель, в отличие от капиталиста может не обладать капиталом [24] и поэтому должен создавать новые способы использования ограниченных ресурсов для удовлетворения потребностей людей в товарах и услугах.

Необходимыми, с точки зрения институциональной экономической теории, на наш взгляд, являются два уточнения: 1) предприниматель обладает исключительными правами собственности на «предпринимательскую способность» как личный уникальный ресурс; 2) предприниматель обладает полными/частичными правами собственности на результаты предпринимательской деятельности.

Институциональный анализ хозяйственных практик и социальных порядков [5; 6] показывает, что на принимаемые людьми решения оказывают влияние факторы культуры, социального окружения, исторические условия и др., что позволяет определить их действия как действия «человека институционального» со значительными когнитивными ограничениями [4]. В связи с этим выскажем предположение, что предпринимательство – понятие более широкое, чем предпринимательская деятельность, поскольку включает не только следование хозяйственным практикам, связанным с получением дохода и риском. Предпринимательство – еще и социальная группа, характеризующаяся определенными ценностями, образом жизни и образом мышления, поведенческими/мыслительными стереотипами (образцами мысли) [19; 23] и экономическими интересами [23].

Исследуем становление и развитие российского предпринимательства в XVII–XXI вв. как социальной группы, представители которой ведут различные виды предпринимательской деятельности – различные виды «промыслов» (дел, бизнесов). Из анализа «Русской правды» (XI в.), «Псковской судной грамоты» (1467 г.), «Судебника» (1497 г.) и «Соборного уложения» (1653, 1677 гг.), следует, что уже в X–XI вв. помимо торговли и различных видов ремесел существовали также и кредитные ссудные операции как на формальной, так и на неформальной (устной, доверительной) основе, что свидетельствует о высоком уровне доверия и честности как ценности и норме поведения в предпринимательской среде. Исследование практики российского предпринимательства в XVII в. и ее регулирования государством показало, что уже в этот период имел место конфликт интересов между российскими и иностранными предпринимателями, в основе которого лежали различия в ценностях хозяйственной деятельности. В работах европейских меркантилистов XVI–XVII вв. четко сформулирована позиция в отношении прибыли как «прибыли от отчуждения», в то время как в России источником прибыли признавался «промысел», то есть деятельность, связанная с созданием товаров и услуг. Практика нарушения устных договоренностей, сговора с целью вытеснения конкурентов рынка, сговора с целью вовлечения в кабальную долговую зависимость и др. была привнесена в российскую действительность иностранными торговцами, что отражено, например, в «положении об общественном управлении города Пскова с пригородами в 17 статьях» [12; 28].

К важнейшим институциональным факторам развития предпринимательства в России в XVIII в. следует отнести:

- политику промышленного протекционизма, направленную на выравнивание конкурентных условий для отечественного и иностранного предпринимательства (разрешение купцам покупать землю с крестьянами для организации мануфактурного производства, 1721 г., защитные таможенные тарифы, 1724 г.);
- создание институциональных предпосылок для формирования рынка труда (казенные крестьяне могли только платить подати и не были обязаны работать в крестьянском хозяйстве);
- развитие смешанных форм предпринимательства, фактически – института государственно-частного партнерства (софинансирование строительства крупных стратегически важных предприятий или государственное строительство в последующей передаче в частные руки);

- создание специальных государственных учреждений (Берг-коллегия, Коммерц-коллегия, Мануфактур-коллегия), регулирующих предпринимательскую деятельность;
- институционализация сословных прав обязанностей населения: разделение всех жителей городов на категории регулярных, участвовавших в городском самоуправлении (купцы, ремесленники, промышленники, и нерегулярных граждан);
- создание института вексельного обращения (Вексельный устав 1729 г.);
- создание банковских институтов и института государственного поручительства торговых операций (Указы 1753, 1754 гг.);
- монополизация прав купцов на торговлю (Указ 1778 г.);
- развитие института конкуренции («Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (Жалованная грамота 1785 г.) как в торговой, так и промышленной сферах.
- институционализация купеческого сословия (Жалованная грамота 1785 г.);
- становление института бухгалтерии («Устав о банкротах» 1800 г.).
- К институциональными факторами, сдерживавшим развитие предпринимательской деятельности в России XVIII в. отнесем:
 - отсутствие прямого доступа купечества к верховной власти и потому невозможность прямо участвовать в политическом процессе и инициировании институциональных изменений, отвечающих интересам предпринимательского сословия;
 - отсутствие институтов поддержки инноваций (предложения И.Т. Посошкова о государственной поддержке «измышленничества» [15], т.е. институционализации изобретательской деятельности, не было реализовано в силу политических обстоятельств).

Важно отметить, что существенной особенностью развития предпринимательства и предпринимательской деятельности в России в XVII–XVIII вв. была его тесная взаимосвязь с государством как на региональном, так и на центральном уровне.

В XIX в. развитие предпринимательства и предпринимательской деятельности в Российской империи продолжилось уже в новых экономических, институциональных и технологических условиях. На наш взгляд, именно институциональные факторы играли главную сдерживающую роль. Социальной группой (сословием), принимающей решения на местном и государственном уровне оставалось дворянство, слабо заинтересованное в торговой и промышленной деятельности. Носителями предпринимательской культуры и инициативы являлось купечество и зарождающаяся промышленная буржуазия, выраставшая из купеческого сословия. Основной формой предпринимательской деятельности были семейные предприятия, а также артели (товарищества). Кредитные операции развивались в виде коммерческого кредитования с опорой на собственные фонды накопления, а банковская деятельность развивалась медленнее, чем на Западе. В то время как в Европе банковская деятельность исторически развивалась в виде частного бизнеса и только впоследствии возникали государственные банки. Следовательно, институт кредитования в виде коммерческого кредита (займа) одного купца другому (назовем его «институт персонифицированного кредита») развивался в России эволюционно, на основе внутренних экономических и институциональных факторов, а институт банковского кредита (назовем его «институтом деперсонифицированного кредита») формировался путем трансплантации.

Причины различий в характере институциональных изменений в области кредитной и банковской деятельности, на наш взгляд, лежат в ценностных ориентациях российских предпринимателей, обусловленных особенностями религиозного православного мировоззрения, которое определяло характер, методы ведения промысла (бизнеса) и распределение полученных результатов. Отношение к прибыли как таковой и к методам ее получения у русских купцов сильно отличалось от западноевропейских. Выше уже упоминалось о точке зрения меркантилистов на чистый результат коммерче-

ской деятельности, как «прибыль от отчуждения»; ростовщический процент был оправдан Ф. Аквинским еще в XIV в. как «плата за риск» и «основание для богоугодной деятельности; протестантская этика считала прибыльный бизнес показателем богоизбранности / общественной значимости его владельца. Такие ценностные установки оправдывали фактически любые методы и формы ведения бизнеса (даже работоторговлю) при условии, что его владелец отдавал часть средств на общественно полезные цели (церковная десятина, благоустройство города и т.д.).

Отличительной особенностью православной хозяйственной этики является разграничение понятий «прибыток» – результат общественно-полезного промысла) и «мшель» – результат стремления к приумножению богатства любым путем. Первое – всегда оправдывалось, второе – всегда осуждалось не только церковью, но и обществом. Вторая особенность православной хозяйственной этики – недопустимость нарушения взятых на себя обязательств, особенно финансовых. Невозвращенный долг приравнивался к воровству, что является одним из смертных грехов и влечет для человека «воровские мытарства» после смерти.

Вышеназванные особенности православной этики обуславливали в качестве основных ценностных ориентаций честность, служение, справедливость. Данные ценностные ориентации порождали специфические институты, существенно сокращавшие транзакционные издержки, такие как: устные договоренности, даже без свидетелей (сокращение издержек заключения и мониторинга контрактов); благотворительность (сокращение государственных расходов на социальную сферу); участие в государственных проектах (прототип государственно-частного партнерства); инвестирование за счет собственных фондов накопления и коммерческого займа (ограничение роста транзакционного банковского сектора в экономике страны). Однако незавершенность институциональных преобразований XIX в. в направлении капиталистического пути развития, отсутствие четко сформулированной модели развития страны, сложная политическая обстановка внутри страны, экономические кризисы, участие в войнах – все это привело в конечном итоге к октябрьской революции 1917 г., после которой российские предприниматели оказались в совершенно иных условиях.

В советский период (1917–1990 гг.) предпринимательство в России существовало в лишь в период Новой экономической политики 1921–1931 гг. Институциональные изменения этого периода включали: разрешение частной торговли, ремесла и производства, земледелия, разрешение наемного труда, гарантии частной собственности, а значит, способствовали возрождению предпринимательской деятельности. В СССР сохранялась кооперация как форма ведения хозяйственной деятельности в виде: производственной кооперации (свернута вместе с новой экономической политикой), промысловой кооперации (до 1956 г.), сельскохозяйственной кооперации (колхозы), потребительской кооперации, жилищно-строительной кооперации, артелей по добыче золота. Все виды кооперации жестко контролировались государством, поэтому назвать кооперацию предпринимательской деятельностью сложно. Все другие виды предпринимательской деятельности стали криминализованными (спекуляция дефицитными товарами, подпольные цехи, валютные спекуляции). Отдельные элементы предпринимательской деятельности сохранялись в сельскохозяйственном производстве, но в целом предпринимательство советского периода можно характеризовать как «квази-предпринимательство».

Институциональные изменения конца 1980-х гг. дали новый стимул развитию предпринимательства и предпринимательской деятельности. Законы СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.), «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» и «О кооперации в СССР» (1988 г.) создали институциональную основу для возрождения мелкого предпринимательства в нашей стране. Рыночные реформы 1990-х гг., с одной стороны, способствовали развитию крупного частного предпринимательства на основе приватизации государственной собственности, а с другой, способствовали росту внезаконной, в том числе криминальной экономики, что сохраняется и по сей день в виде уклонения от уплаты налогов и социальных взносов, выплаты

«серой» зарплаты и т.д. Фактически речь идет об оппортунизме предпринимательства как социальной группы и отчасти более широких слоев населения по отношению к государству, поскольку получающие «серую» зарплату такие же оппортунисты как и те, кто ее подобным образом выплачивает.

Относительное недоверие предпринимателей к политике правительства страны компенсируется достаточно высоким персонифицированным доверием к контрагентам на локальном уровне, о чем свидетельствует, в частности, практика добровольной, по соглашению сторон, сельскохозяйственной специализации в некоторых районах России. Доверие как главный фактор формирования неформальных институтов делает экономические взаимодействия устойчивыми, ориентированными на получение дохода/полезного эффекта в долгосрочном периоде и потому обеспечивающими устойчивость всей экономики даже в период кризисов. Недостаточный уровень доверия, а тем более, его отсутствие порождает стремление к получению дохода/полезного эффекта в краткосрочном периоде, что является стимулом к спекулятивным операциям и, в конечном итоге, усиливает циклические колебания за счет самосбывающихся кризисных ожиданий. Решение данной проблемы лежит, на наш взгляд, в преодолении «разрыва доверия» между предпринимательским сообществом и правительством страны, поскольку именно от правительства зависит создание институциональных условий, содействующих повышению эффективности российских предприятий [7; 8]. Еще одним инструментом развития предпринимательства как образа жизни, мышления и хозяйственной деятельности должно стать развитие на основе вышеназванных ценностных ориентаций системы современного бизнес-образования [13]. Создание положительного и привлекательного образа предпринимателя невозможно без поддержки и популяризации социального предпринимательства [14], что позволит одновременно решить ряд важных экономических задач.

Подводя итоги, можно выделить основные этапы в становлении и развитии предпринимательства и предпринимательской деятельности в России в XVII–XXI вв.:

– предпринимательство XVII–XVIII в. в., основанное в целом на традиционных институтах и практиках обусловленных православной хозяйственной этикой и исторически сложившимися видами предпринимательской деятельности;

– предпринимательство XIX – начала XX в., основанное на быстром распространении зарубежных хозяйственных практик в условиях масштабных институциональных изменений (экономические реформы, отмена крепостного права и др.);

– «квази-предпринимательство» 1917–1990 гг. характеризующееся ростом внезаконной составляющей и разрушением как отечественных, так и зарубежных предпринимательских ценностей и практик;

– современное предпринимательство 1990–2016 гг., охватывающее значительную область хозяйственной деятельности и характеризующееся размытыми ценностными ориентациями, «реверсным оппортунизмом» по отношению к государству и невысоким уровнем доверия как в самой предпринимательской среде, так и в отношениях между предпринимательством и обществом.

Таким образом, предпринимательство и предпринимательская деятельность в России имеют богатую историю и большой потенциал для дальнейшего развития при условии соответствующих институциональных изменений. Эти изменения могут быть эволюционными или результатом институционального проектирования, но они должны способствовать возрождению ценностных ориентаций, способствующих возрождению доверия общества к предпринимательству и предпринимательской деятельности; и стимулировать предпринимательскую активность в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Ерзнкян, Б. А. Институциональное поведение: теоретические вопросы практические проявления / Б. А. Ерзнкян, М. Делибашич, Н. Гргуревич // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 4(67). – С. 19–30.

2. Ерзнкян, Б. А. Институциональные факторы эволюции социальных порядков / Б. А. Ерзнкян // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 69–86.
3. Ерзнкян, Б. А. Институциональный капитал предприятия как фактор инновационного развития / Б. А. Ерзнкян, С. Л. Сазанова, А. И. Савчиков // Системная экономика, экономическая кибернетика, мягкие изменения в экономических системах. Сборник трудов конференции / Под ред. Г. Б. Клейнера и С. В. Прокопчиной. – М. : Научная библиотека, 2015. – 398 с. – ISBN 978-5-8211-0719-0; 978-5-8211-0720-6.
4. Ерзнкян, Б. А. Когнитивные аспекты институционального развития общественных систем / Б. А. Ерзнкян // Terra Economicus. – 2014. – № 1. – С. 53–72.
5. Ерзнкян, Б. А. Модернизация социальных порядков и возможности экономической науки / Б. А. Ерзнкян // Мир перемен. – 2014. – № 4. – С. 73–89.
6. Клейнер, Г. Б. «Мягкие» и «жесткие» системы в экономике / Г. Б. Клейнер // Системная экономика, экономическая кибернетика, мягкие измерения. XVII Международная конференция / Под ред. Г. Б. Клейнера, С. В. Прокопчиной. – М., 2014. – С. 6–12.
7. Клейнер, Г. Б. Институциональное управление экономикой и обществом / Г. Б. Клейнер // Институциональная экономика и современное управление : монография. – М. : ГУУ, 2016. – 362 с. – С. 30–50. – ISBN: 978-5-215-02813-1.
8. Клейнер, Г. Б. О повышении эффективности российских предприятий / Г. Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 1 (64). – С. 10–11.
9. Клейнер, Г. Б. Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований / Г. Б. Клейнер // Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований. Доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015, Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г. Б. Клейнер. – Ростов н/Д. : Издательство Южного федерального университета, 2015. – 280 с. – ISBN 978-5-9275-1792-3.
10. Клейнер, Г. Б. Ритмы эволюционной экономики / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2014. – С. 123–136.
11. Клейнер, Г. Б. Эволюция ведущих парадигм современной экономической науки / Г. Б. Клейнер // Институциональная экономика и современное управление : монография / под ред. Г. Б. Клейнера. – М. : ГУУ, 2016. – 362 с. – С. 10–29. – ISBN 978-5-215-02813-1.
12. Ключевский, В. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 57. А. Л. Ордин-Нащокин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bibliotekar.ru/rusKluch/57.htm> (дата обращения : 12.05.2016).
13. Маркова, М. В. Бизнес-образование, институт предпринимательства и предпринимательская деятельность в современной России / М. В. Маркова, С. Л. Сазанова // Управление. – 2016. – № 1. – С. 79–83.
14. Маркова, М. В. Социальное предпринимательство: цели и ценности / М. В. Маркова, С. Л. Сазанова // Экономика и управление в машиностроении. – 2014. – № 4 (34). – С. 61–62.
15. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 413 с.
16. Расков, Д. Е. Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2012. – 344 с. – ISBN 978-5-288-05257-6.
17. Сазанова, С. Л. Институциональная теория организаций / С. Л. Сазанова // Вестник университета. – 2015. – № 8. – С. 61–67.
18. Сазанова, С. Л. Эвристические возможности холистического метода традиционного институционализма / С. Л. Сазанова // Экономический журнал. Журнал Российского государственного гуманитарного университета. – 2003. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://economicarggu.ru/2003_1/sazanova.pdf (дата обращения : 30.04.2016).
19. Сазанова, С. Л. Институты и ценности хозяйственной деятельности / С. Л. Сазанова // Институциональная экономика и современное управление : монография / под ред. Г.Б. Клейнера. – М. : ИД ГУУ, 2016. – 362 с. – ISBN 978-5-215-02813-1.
20. Сазанова, С. Л. Институциональная теория: предпосылки становления и развития / С. Л. Сазанова // Симбирский научный вестник. – 2012. – № 2(8). – С. 125–129.
21. Сазанова, С. Л. Сравнительный анализ методологии традиционного институционализма и неинституционализма : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / С. Л. Сазанова. – СПб., 2002. – 186 с.
22. Сазанова, С. Л. Эвристический потенциал институциональной экономики в исследовании эволюции экономических систем: «новая экономическая история» / С. Л. Сазанова // Институциональная экономика и современное управление [текст] : монография / под ред. Г. Б. Клейнера. – М. : ИД ГУУ, 2016. – 362 с. – с. 296–304. – ISBN 978-5-215-02813-1.

23. Сазанова, С. Л. Экономические интересы и институты / С. Л. Сазанова // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения : материалы четвертой Международной научной конференции / Под ред. Г. Б. Клейнера. – М. : ИД ГУУ, 2015. – 332 с. – ISBN 978-5-215-02785-1.
24. Сазанова, С. Л. Экономическое поведение: ценностно-рациональный аспект / С. Л. Сазанова // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 8. – С. 108–113.
25. Сэй, Ж.-Б. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй // Трактат по политической экономии. Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ж.-Б. Сэй, Ф. Бастиа. – М. : Дело, 2000. – 232 с. – ISBN 5-7749-0190-4.
26. Тамбовцев, В. Л. Права, формы, режимы собственности / В. Л. Тамбовцев // Экономическая наука современной России. – 2015. – № 1(68). – С. 7–18.
27. Тамбовцев, В. Л. Правила как основа институтов / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2014. – № 3. – С. 130–139.
28. Тимофеева, А. А. История предпринимательства в России : учеб. пособие / А. А. Тимофеева. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 268 с. – ISBN 978-5-9765-1218-4.
29. Haidar, J. I. Impact of Business Regulatory Reforms on Economic Growth / J. I. Haidar // Journal of the Japanese and International Economies. – 2012. – Vol. 26 (3). – P. 285–307.